ДОЛГОВЫЕ ИСТОРИИ

НЕРЕДКО ЛУЧШЕ ВСЕГО О СОСТОЯНИИ РЫНКА ГОВОРЯТ НЕ ЦИФРЫ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ, А ОБЫЧНЫЕ ИСТОРИИ — ИЗ ЧИСЛА ТЕХ, ЧТО ПРИНЯТО НАЗЫВАТЬ БАЙКАМИ. КОГДА МЫ ПРЕДЛОЖИЛИ УЧАСТНИКАМ ПЕРВЫХ ТОРГОВ ГКО ВСПОМНИТЬ СОБЫТИЯ 15-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ, ИХ ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ САМА ПО СЕБЕ УЖЕ БЫЛА КУРЬЕЗНОЙ — ОТ ХОХОТА ИЛИ НЕДОВЕРЧИВОГО «А ЗАЧЕМ ВАМ? ТОЧНО ДЛЯ СТАТЬИ?» ДО КАТЕГОРИЧНОГО И СЕРЬЕЗНОГО «КАКИЕ ТУТ МОГУТ БЫТЬ БАЙКИ, ЭТО ЖЕ ГОСДОЛГ, ПОНИМАЕТЕ?». ОЛЬГА КОЧЕВА

В 1993 году рынок, как и его профессиональные участники (нередко трейдер ГКО еще бегал на пересдачи в университет), был очень молодым, что порой порождало забавные случаи. Андрей Пресняков, в прошлом дилер Конверсбанка, в настоящем коммерческий директор Московского зоопарка, вспоминает об особенностях депозитарной деятельности в начале 90-х: «Тогда нас допускали к торгам только после того, как Татьяна Королькова, отвечавшая в ЦБ за сбор отчетности, получала от трейдера дискетку с информацией о проделанной работе. Это были самые первые намеки на депозитарную деятельность, и всю рутинную работу по учету бумаг проделывали сами трейдеры. Сдавать дискетку надо было строго раз в неделю. По молодости я часто забывал, иногда не случайно, заполнять ее. Спустя некоторое время, когда Таня открыла сданные мною файлы, она обнаружила, что я ни разу не сдавал ей нужный текст полностью. Удивительно, но отговорки типа „забыл — исправлюсь“ проходили даже в таком серьезном учреждении, как ЦБ».

Впрочем, не все были на короткой ноге с ЦБ, поэтому за свою забывчивость многим приходилось оправдываться перед начальством. Бывший дилер Диалог Банка, а ныне вице-президент ИК «Тройка Диалог» Алексей Долгих: «У нас тогда все было в бумажном виде. Для того чтобы поучаствовать в аукционе, надо было собрать кучу бумажек и проставить столько же подписей и печатей в ЦБ и на бирже. А люди были в основном молодые, только-только со студенческой скамьи и по молодости могли забыть об этом. Так однажды и случилось. У нас наклевывалась гигантская по тем меркам заявка где-то на $2 млн. Но как только дело дошло до главного — до покупки, выяснилось, что мы забыли в ЦБ проставить печать. Наши контрагенты недовольны, мы тоже представляем, какой нагоняй получим от начальства. В общем, сорвалась сделка. Перед начальством как-то выкрутились, но скандал был грандиозный».

Нелепость некоторых случаев привела даже к пересмотру формы отчетности. Антон Суховерко, работавший в 90-х дилером Международного московского банка, рассказал о коллегах такую историю: «Тогда были очень распространены скрытые сделки. То есть на экране выставлялась заявка на покупку или продажу одного количества бумаг (как правило, меньшее), а на самом деле в графе „скрыто“ ставилось другое, большее число. Это делалось, чтобы дилер с крупной заявкой не мог сильно сдвинуть рынок, ведь объемы торгов тогда были очень скромными. Чтобы не сильно обозначать свое присутствие на рынке и не оказаться слоном в посудной лавке, такими заявками пользовался ЦБ РФ. И вот однажды какой-то новичок попался на эту удочку. Ему надо было купить одну бумагу, он видит как раз в системе заявку на продажу одной бумаги. И преспокойно выставляет встречную заявку на покупку, не подозревая подвоха. Он не видит, что его контрагент собирается продать не одну, а 10 тыс. бумаг. Заявка удовлетворяется. Заканчиваются торги, все ждут биржевых отчетов. Тогда они были в бумажном виде, по каждой сделке распечатывался отдельный отчет, поэтому на их подготовку уходило немало времени. И вот наконец этим не подозревающим ни о чем счастливцам приносят огромную кипу бумаг — по 10 тыс. сделок каждому. Заполнение соответствующих форм и стало их „бонусом“. После этого случая скрытые заявки запретили. И возобновили только после того, как отчетность приняла электронный вид».

Дилеров ЦБ тоже не минула участь попасть в брокерский фольклор. Над ляпами этих серьезных людей потешался иногда весь рынок. Один из дилеров рассказал историю о том, как дилер ЦБ хотел перехитрить остальных участников торгов: «Тогда еще не было удаленных рабочих мест и все аккредитованные дилеры сидели вместе в большом зале на Зубовском бульваре. Однажды на моих глазах произошла следующая история. В системе начали появляться заявки выше номинала. У ГКО номинал был равен 100 рублям. Выше номинала они торговаться в принципе не могут, так как это означает отрицательную доходность, то есть убыточную позицию по бумаге. Представьте недоумение рынка, когда начинают появляться заявки на покупку по цене выше номинала ГКО с датой погашения через день. Сперва мы заподозрили какой-то подвох, потом подумали-подумали и начали продавать тем, кто так расщедрился. Мое рабочее место находилось тогда недалеко от деска, где сидели дилеры ЦБ. Сижу и слышу, как они шушукаются. Разговор примерно следующий: „Ты что делаешь, дурачье?“ — „А что? Все равно их погасят“. Из этого диалога мне стало ясно, что „хитрый“ замысел дилера был банальной ошибкой по незнанию. Он просто не догадывался, что приносит себе же убыток. Видимо, у них была задача выкупить какую-то долю выпуска перед погашением, но они немного перестарались».

Довольно распространенными на заре рынка были и ситуации, когда трейдеры путали один выпуск с другим и продавали ГКО по цене существенно ниже или выше рыночной. Антон Суховерко: «Я, наверное, был первым, кто совершил такую ошибку. Во время первого аукциона мы ничего не купили. Во втором решили поучаствовать. И тут я путаю выпуски и выставляю заявку на покупку ГКО второго выпуска по цене первого выпуска, которые стоили дороже. Более того, потом пытался даже сам себе продать, но не успел. Коллеги опередили».

В первом дилерском зале на Зубовском бульваре дилеры сидели довольно кучно, что порой создавало предпосылки для не совсем честной игры. Один из участников первых торгов рассказал нам такую историю: «На первом аукционе ГКО наш банк купил около 50% всего выпуска. Рынок неликвидный, торги проходят чуть ли не два раза в неделю. Проходят слухи о втором выпуске, который наше руководство посчитало более интересным для покупки. Нужны деньги. И наш генеральный директор принимает решение продать какую-то часть от первого выпуска, чтобы поучаствовать во втором аукционе. Мне говорят продать чуть ли не 20% от имеющихся бумаг — сумасшедшая по тем меркам сумма. Продаю первый день, второй. Денег почти ни у кого уже не осталось. Продал все что мог. Мы, тогда молодые мальчики, реального рынка не видели, поэтому чуть что — сразу за трубку телефона и звоним начальству докладывать обстановку. Рядом сидит дилер из другого крупного банка. Я смотрю — он так внимательно слушает весь мой разговор по телефону с начальством. Заканчиваются торги, всем разносят результаты сделок. Ну, я его решил так подколоть. Спрашиваю: „Ну а ты что делал?“ Он мне: „А я за тобой наблюдал“. Оказалось, что он торговал на моей же информации».

Контроль Центрального банка над внутрицеховыми отношениями начинал чувствоваться тогда, когда эти отношения становились слишком тесными. Константин Волков, президент Национальной фондовой ассоциации (НФА), вспоминает, как, будучи дилером Мост-банка, чуть не поплатился должностью за попытку организовать дискуссионный кружок: «После первых же месяцев работы у меня появилось ощущение, что рынок с такими объемами долго не протянет. Первые размещенные объемы были смешными — 1–3 млрд рублей. У трейдеров задача тоже была не из легких. Каждый раз на размещении очередного выпуска нам приходилось мучиться двойной проблемой — с одной стороны, не поставить высоких цен, с другой стороны, не проле-

ПЕТР РУШАЙЛО

ЧЕРЕЗ 15 ЛЕТ ПОСЛЕ СТАРТА РЫНКА ГКО ПУТИ ЕГО УЧАСТНИКОВ НЕОЖИДАННО ПЕРЕСЕКЛИСЬ: ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ДИЛЕРОВ СЕЙЧАС РАБОТАЕТ ФИНАНСОВЫМ ДИРЕКТОРОМ МОСКОВСКОГО ЗООПАРКА, А ОРГАНИЗАТОР ТОРГОВ — ПОДКАРМЛИВАЕТ ЕГО ПИТОМЦЕВ

тать мимо аукциона. Ситуация осложнялась тем, что инфляция была бешеной и проценты на выделяемые банком под аукцион и незадействованные деньги также были высокими. У меня появилось ощущение, что нам надо сформировать что-то вроде клуба, в котором мы могли бы собираться и обсуждать проблемы. Я начал продвигать эту идею среди дилеров других банков. В результате слухи дошли до Банка России. А тогда рынок только-только складывался, и Центробанку совсем не хотелось получить организованную массу участников, которые бы действовали в своих интересах. В общем, меня заподозрили в том, что я занимаюсь противоправными действиями. Покойный Андрей Андреевич Козлов с большим подозрением отнесся к моей инициативе. Однажды сижу торгую и слышу, как по системе громкоговорящей связи объявляют примерно следующее: „По имеющейся информации, коллега из Мост-банка занимается организацией монопольной группы. При повторе подобных попыток он будет изгнан из числа трейдеров, а у банка будет отобрана дилерская лицензия“. Сейчас смешно, но тогда мороз по коже пробежал. Парадокс в том, что всего через два года идея создания саморегулируемой организации НФА зародилась именно у Андрея Козлова, который и обратился ко мне с предложением возглавить ассоциацию».

Иногда дилерам самим приходилось осаждать излишне любопытных представителей власти. Игорь Полостяной, в прошлом дилер банка «Санкт-Петербург», а сейчас начальник департамента операций на финансовых рынках НОМОС-банка, запомнил визит в зал на Зубовском бульваре в 1994 году премьер-министра Виктора Черномырдина: «Его водили-водили по залу от монитора к монитору. У него был очень заинтересованный вид, и вот в какой-то момент он проявил повышенную любознательность и прямо полез в экран к одному трейдеру. Его тут же осекли, дав понять, чтобы не лез под руку. Здесь же торгуют госдолгом!»

Впрочем, самим представителям власти тоже есть что вспомнить про участников рынка. Зампред Банка России Константин Корищенко, на старте рынка ГКО работавший начальником отдела вторичного рынка управления ценных бумаг ЦБ, вспоминает такую историю: «Это было в 94-м году или в начале 95-го — сейчас точно не вспомню. Тогда к руководителю одной из региональных валютных бирж, которые обеспечивали доступ на рынок ГКО, приехали коллеги из одного большого сибирского города и спросили, не поможет ли им их большой друг и уважаемый крупный московский руководитель биржи купить ГКО. На вопрос же, в чем сложности и чем, собственно, можно помочь — аукционы, мол, регулярно проходят, бери — не хочу, был получен довольно оригинальный ответ. Оказалось, что сибиряки хотят купить „другие“ ГКО — те, которые выпускаются для сотрудников ЦБ. После чего долго доказывали, что таковые действительно существуют и продаются в рамках закрытого спецраспределителя. После долгих разбирательств выяснилось, что дело в следующем. В свое время, когда готовились первые документы по выпуску ГКО, их не публиковали ни в журналах, ни в газетах — просто на бирже были изданы соответствующие брошюры и розданы дилерам. Но из-за технической ошибки среди документов, которые были сброшюрованы, оказался приказ ЦБ о проведении операций на рынке. Сам приказ в принципе был открытым, но там каким-то чудесным образом оказалось еще и приложение к нему, устанавливающее лимиты операций для конкретных сотрудников Центробанка. Условно говоря, „Андрей Козлов — 5 млн рублей, Константин Корищенко — 1 млн рублей и т. д.“. Словом, обычные лимиты, устанавливаемые в рамках риск-менеджмента. Причем поскольку рынок ГКО только зарождался, то на самом деле объемы этих лимитов были фактически взяты с потолка. Но по той же причине незрелости рынка они произвели страшный фурор, и долго еще ходили легенды, что существуют какие-то отдельные ГКО для сотрудников ЦБ. Достаточно сказать, что даже представитель московской биржи, которому сибиряки предъявили данный список, поначалу просто опешил и пообещал выяснить, где продают „специальные“ бумаги». ■

«ПРЕДСТАВЬТЕ НЕДОУМЕНИЕ РЫНКА, КОГДА НАЧИНАЮТ ПОЯВЛЯТЬСЯ ЗАЯВКИ НА ПОКУПКУ ПО ЦЕНЕ ВЫШЕ НОМИНАЛА ГКО С ДАТОЙ ПОГАШЕНИЯ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ. СПЕРВА МЫ ЗАПОДОЗРИЛИ КАКОЙ-ТО ПОДВОХ, ПОТОМ ПОДУМАЛИ-ПОДУМАЛИ И НАЧАЛИ ПРОДАВАТЬ ТЕМ, КТО ТАК РАСЩЕДРИЛСЯ»